

Один берег, одно море

Елена Яновская

18+

Елена Яновская

Один берег, одно море

«Автор»

2026

Яновская Е.

Один берег, одно море / Е. Яновская — «Автор», 2026

Две жизни, два мира, пересечение которых кажется немыслимым. Один – мальчишка-сирота, мечтает о море и пиратском флаге, взрослея и преодолевая невзгоды, неизбежные для ребенка, лишённого родительской любви. Другой – молодой британский офицер, привыкший к риску и жизни на грани. Судьба забросила его в самое сердце Юго-Восточной Азии, в загадочную логистическую компанию. Что скрывается за её респектабельным фасадом? Какие опасные миссии он выполняет? Что их связывает? И существует ли вообще эта связь? Но разве жизнь не полна невероятных совпадений и неожиданных поворотов?

© Яновская Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1.	6
2.	13
3.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Яновская

Один берег, одно море

Все события, персонажи и даже некоторые географические названия, упомянутые в этом произведении, являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, местами, организациями или событиями случайны.

1.

Бабушка достала из старинного серебряного портсигара папиросу и с наслаждением прикурила. Открыв окно, подставила разгорячённое лицо свежему морскому ветру. С улицы доносились обрывки разговоров, музыки и раскаты далёкого смеха – народ возвращался с праздничного Первомайского шествия.

В центре Владивостока маршировали колонны демонстрантов, украшенные красными флагами и гирляндами воздушных шаров; с высокой, обтянутой кумачом трибуны звучали громкие патриотические призывы, заглушаемые искренними криками «Ура!», а у Щербининых почти всё было готово к приходу гостей.

Николай утром сходил на завод. Потолкался у цеха, ловко ускользнул от парторга, раздающего портреты вождей, поприветствовал начальство и, пройдя несколько кварталов в строю радостно возбуждённых товарищей, незаметно сбежал.

Вера тоже отметилась на работе. Как военного врача её не обязывали участвовать в демонстрациях, но в праздничные дни ей предписывалось находиться рядом с телефоном, готовый принять вызов в любой момент. Поэтому заглянув в госпиталь, она отметилась в журнале у дежурного и поспешила домой.

Уже на выходе привычно нацепила улыбку на ярко покрашенные губы и поздравила столпившихся на крыльце сослуживцев. Молитвенно сложив руки, отказалась от предложенных ста граммов, сославшись на усталость после вчерашнего дежурства, и её каблучки торопливо застучали мимо коллег.

Щербинины ждали друзей на «машины пирожки». С первыми лучами солнца бабушка Александра Ивановна уже хлопотала на кухне. В большом эмалированном ведре пытело и раздувалось тесто. На плите дымилась кастрюля, в воздухе витали ароматы готовящихся начинок. К полудню всё свободное пространство занимали миски с пышными, румяными пирожками с капустой и мясом. На старинном фарфоровом блюде красиво лежали более изысканные, с ягодами и творогом, каждый со своим неповторимым вкусом.

Готовить Александра Ивановна научилась ещё будучи воспитанницей Иркутской женской гимназии. С годами её кулинарное мастерство росло, превращаясь в настоящее волшебство. Особенно же ей удавалось дрожжевое тесто. Пирожки из него выходили просто объедение: воздушные, нежные, с золотистой корочкой. Они буквально таяли во рту, и рука сама тянулась за следующим.

Закрыв дверцу духовки за последней партией, Александра Ивановна с облегчением присела около окна, придвинув к себе пепельницу.

— Фух, сладила... — в её глазах светилось явное удовлетворение. — Вера, во сколько придут ваши гости? Не пора ли накрывать?

Вера доставала из банок соленья: огурцы, помидоры, и сосредоточенно раскладывала по тарелкам. Выдержав паузу, подчёркивая, что очень занята, ответила:

— Да к часу доберутся, наверное. Сейчас скажу Коле, пусть стол раздвигает да скатерть достаёт, — и раздражённо добавила, — мам, ты бы не курила здесь, и так дышать нечем.

«Да иди ты...» — беззлобно проворчала про себя Александра Ивановна, давно смирившаяся с непростым нравом дочери, и с удовольствием затянулась.

Из полумрака коридора в кухню робко заглянула светлая голова.

— Ты что здесь забыл? — Вера привычно прикрикнула на худенького мальчика. — Иди отсюда! Займись чем-нибудь!

Тот, жвав голову в плечи, поспешно отступил.

— Перестань на сына собачиться, — одёрнула её Александра Ивановна. — Ребёнок есть хочет. Ты кормила его сегодня?

— Я думала, это твоя забота, — огрызнулась дочь.

Бабушка тяжело вздохнула:

— Утром ему кашу варила, но время-то уже к обеду, — и крикнула, — Костик, мой руки, я сейчас подам пирожки с бульоном.

Друзья принесли шампанское и марочный коньяк. Накрытый в зале стол уже ломился от выпечки и лакомств-разносолов. Вера быстро порезала лимоны, и компания расселась отмечать праздник.

Перед приходом гостей отец сунул Косте первомайский подарок – коробку новых карандашей:

— Доставай альбом и садись рисуй. Не хочешь – читай. Чтобы я тебя близко около взрослых не видел. Понял? — и вышел из комнаты, прикрыв дверь.

Мальчик спокойно кивнул. Не избалованный вниманием, он к своим шести годам уже привык к самостоятельности. Заботилась о нём бабушка. Но сейчас в доме царила громкая праздничная суета: шумели голоса, смех, звенела посуда, и бабушка вместе с мамой метались между кухней и гостиной, принимая и угощая гостей.

Костя тихонько устроился в своём любимом уголке – на мягком ковре у балкона. Его верные оловянные солдатики, отвоевавшие свои битвы на воображаемом поле боя, уже отдыхали, и он достал альбом. Сначала нарисовал большое, яркое солнце. Такое же тёплое и золотистое, как то, что светило за окном, пробиваясь сквозь прозрачный тюль. Затем появилось море. И когда оно почти заполнило листок, он нарисовал маленький кораблик, едва заметный на фоне бескрайнего синего простора, который плыл вдаль, к неизвестным берегам.

Весёлое застолье гудело во всю, когда Александра Ивановна зашла к увлечённо рисующему мальчику. Тот протянул ей альбом.

— Ах, как красиво! — воскликнула Александра Ивановна. — Это «Арабелла?»

— Да, баушка, — прошептал Костя, его щёки слегка порозовели от похвалы, и он смущённо улыбнулся.

Бабушка обняла его за плечи и увлекла за собой в комнату, где веселилась компания:

— Милые гости, я хочу задать вопрос. Как вы думаете, кем будет мой внук, когда вырастет?

Раздался нестройный хор голосов:

— Космонавтом!

— Лётчиком!

— Врачом, как мама...

Смеясь, Александра Ивановна отмела все предположения и посмотрела на внука:

— Костик, ты кем хочешь стать?

Взгляды устремились на мальчика. Почувствовав себя в центре внимания, он покраснел и, опустив голову, тихо сказал:

— Пиратом.

Неожиданные слова ребёнка вызвали взрыв хохота. Гости, представляя себе маленького Костю в пиратском обличье и с попугаем на плече, смеялись до слёз.

Одна Александра Ивановна сохранила невозмутимость. Она склонилась к внуку, ласково взглянула и с присущей бабушке мудростью произнесла:

— Ты же знаешь, чтобы стать хорошим пиратом, нужно закончить хотя бы военно-морское училище?

Костя кивнул и уткнулся в неё лицом, вдыхая родной запах. От бабушки пахло сладкой ванилью и табаком. Она нежно провела рукой по непослушным светлым вихрам внука и поцеловала в макушку:

— Ну вот и хорошо! Беги к себе в комнату, играй.

Александра Ивановна одна поняла фантазию ребёнка. Она видела, как загорались его глаза, когда читала ему «Одиссею капитана Блада». Книгу о приключениях знаменитого ирландца мальчику подарили на день рождения. Впечатлительный от природы Костя видел цветные сны: летящую на всех парусах «Арабеллу», волны, разбивающиеся о прибрежные рифы, морские битвы и спасение обречённых рабов.

Он мечтал вырасти и стать отважным пиратом.

Выцветшая от солнца и солёных брызг, «Глория» ничем не выделялась среди множества сухогрузов, бороздящих морские просторы Юго-Восточной Азии. Зафрахтованная «Южно-Азиатской компанией», она исправно возила грузы по морским маршрутам региона.

Последние два года капитан Сайрус МакМорроу служил на «Глории». Молодой, худощавый, с волосами, выгоревшими до цвета спелой пшеницы, он мог бы сойти за юношу, если бы не его глаза. Серые, с лёгким отблеском стали, они хранили отпечаток тысяч пройденных миль и множества пережитых штормов, выдавая человека с глубоким жизненным опытом.

Его мать, леди Мэри МакМорроу, несла в себе кровь древнего шотландского рода, веками жившего в суровых горах Хайленда¹. От своих предков она унаследовала неукротимый, нравственный дух. В семнадцать лет, увлечённая молодым штурманом Королевского флота Джорджем Эвансом, она оставила колледж и сбежала из родительского дома.

Они сняли уютный домик в пригороде Бристоля, мечтая о скромной свадьбе, о собственном доме и детях, и Джордж подал прошение об отставке. Но пока ответ на него полз по бюрократическим коридорам Адмиралтейства, пришёл приказ.

— Последний поход, — обещал он Мэри, целуя на прощание. — Скоро я вернусь, и мы начнём нашу новую жизнь. Подводная лодка взяла курс на холодные воды Северной Атлантики. Через неделю после выхода в море пришло сообщение о катастрофе. Судно затонуло, весь экипаж погиб.

Выслушав сухие, официальные слова, Мэри ощутила, что мир рухнул. Она не успела сказать Джорджу о ребёнке, который уже жил под её сердцем.

Домой леди Мэри не вернулась. Они с сыном нашли приют в доме родителей Джорджа. Она рано умерла, так и не смирившись с потерей любимого. Когда болезнь оборвала её жизнь, Сайрусу было четыре года. Воспитанный в семье отца, он, словно ведомый судьбой, поступил в тот же эдинбургский колледж, где когда-то учился Джордж. Затем последовал военно-морской колледж в Дартмуте и контракт на службу в Юго-Восточной Азии.

Доставив очередной заказ в порт Купанга, «Глория» освободила трюмы, приняла на борт попутную почту и вышла в море, взяв курс на Джакарту.

Закончив работу, Сайрус аккуратно сложил документы в сейф. Он уже потянулся к телефону, чтобы попросить кока принести ужин, как вдруг раздался звонок.

— Слушаю!

— Вам радиogramма, сэр, — доложил начальник рации.

— Что там, Шон? Читай.

— Romeo Papa Foxtrot 21–34.

— Понял.

Ужин откладывался. Полученная депеша сообщала, что клиент находится в режиме ожидания в квадрате 21–34 и нуждается в заправке.

¹ Хайленд – северная, горная, самая большая область Шотландии.

Сайрус озабоченно нахмурился: «Диптанки² нужно срочно залить. Может, вернуться в Купанг? Чёрт! Только что заправились... Логисты с ума сведут вопросами. Ладно, попробуем в море. Есть несколько суток».

Приняв решение, капитан поднялся на мостик.

— Меняем курс!

«Глория» бороздила Тиморское море. Накануне захватили и, выкачав горючее, пустили ко дну китайский сухогруз. Позже, когда на полном ходу покидали зону проведения операции, корабельный механик Олаф поднялся в рубку:

— Мало взяли, сэр, — доложил он. — Цистерны были почти пустыми.

Капитан обернулся к вахтенному:

— Следи за морем! Ищем дальше.

Проворочавшись всю ночь, Сайрус задремал только под утро. Едва забрезжил рассвет, он уже стоял на мостике. Хмурый, с покрасневшими от недосыпа глазами, он неотрывно смотрел на пустой горизонт. Следя за часами, прокручивал в голове, где можно у контрабандистов прикупить топливо. Решил: «До заката не найдём, повернём на Банту³, вдруг там что-нибудь подвернётся».

Около полудня раздался долгожданный крик:

— Справа по курсу, корабль!

Капитан поднял бинокль.

Белоснежная двухпалубная яхта неторопливо рассекала синюю волну, следуя в сторону Австралии. «Осадка низкая, недавно из порта, — промелькнула первая мысль, — значит, и запас топлива есть. Выглядит дорого, наверняка набита деньгами. Может, хорошо потратились, драгоценностей прикупили... В Такасимая⁴, например», — Сайрус усмехнулся, вспоминая роскошные магазины мировых элитных брендов, которые встречались ему в Сингапуре.

«На таких судах всегда много цветного металла, — продолжал он размышлять. — Отлично! И команде будет чем поживиться, и продать ещё кое-что сможем...»

Старший помощник, Чиф, стоял рядом и ожидал распоряжений.

Помощники капитана, двое сикхов⁵, были поразительно похожи: кареглазые, одного роста, с крупными носами и смуглой кожей фиолетового оттенка. Оба – превосходные штурманы, свободно говорившие на английском и множестве островных диалектов. Грузовой помощник Энсин, ярый приверженец «сикхизма», всегда носил тюрбан, под которым скрывал свои длинные волосы. Старпом Чиф, выпускник британской военной академии, относился к требованиям своей веры гораздо проще. Он аккуратно стригся и предпочитал простую морскую фуражку.

— Собирай совет! — Сайрус опустил бинокль и направился в кают-компанию.

Через пять минут старшие члены команды подтянулись туда же. Несмотря на уже принятое решение, капитан всё же внимательно выслушал всех, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. Обсудив возможные риски, отдал приказ:

— Энсин, приготовиться к захвату! Шон, рация на приём! Режим радиомолчания! Штурман, расчёт до цели, результат доложить по готовности!

Матросы подготовили снаряжение и разошлись по кубрикам в ожидании темноты.

² Диптанки – (англ. deep-tank – глубокая цистерна), отсек судна, располагающийся над вторым дном (водонепроницаемый настил, образующий вместе с днищем двойное дно); предназначен для хранения пресной воды, запасов топлива, размещения балласта или жидкого груза.

³ Банта – (Banta) небольшой остров, расположенный в северной части между востоком и северо-западом острова Комодо в Индонезии.

⁴ Такасимая – модный японский розничный универмаг на знаменитой сингапурской улице Орчард-роуд. Популярный у публики ресторанный дворик и магазины драгоценностей.

⁵ Сикхи – этнорелигиозная группа приверженцев сикхизма, аристократическая каста воинов. Сикхизм — это монотеистическая религия, придерживающаяся того, что Бог един и у него нет формы

В abordажные группы входили все двадцать членов экипажа палубной и моторной команд. Рождённые в островной Малайзии и выросшие на море, отчаянные, выносливые и исключительно преданные, они идеально подходили для такой службы. Лишённые моральных терзаний, действовали без колебаний, выполняя любые приказы. Единственное препятствие – почти не знали английского. Их словарный запас составлял около двух десятков ключевых слов, но индусы отлично с ними справлялись.

До начала сумерек шли в отдалении, параллельным курсом. Капитан, не притронувшись к обеду, быстро выпил чашку кофе и вернулся на мостик. В воздухе ощущалось незримое напряжение. Команда, охваченная азартом, словно гончая, идущая по следу добычи, молча занималась делами. Помощники поочередно наблюдая за локатором, внимательно следили за дистанцией до цели. Боцман по второму кругу сосредоточенно чистил оружие. Механик, закончив проверку насосов, пытался вернуть к жизни вышедший из строя рефрижератор.

Едва солнце покатилося к горизонту, «Глория», не включая ходовые огни, резко добавила ход. Уже в полной темноте, когда исчезли последние отблески заката, осторожно пошли на сближение. Яхта плавно скользила по морской глади, сверкая разноцветными огнями. Оттуда, разрывая тишину ночного тропического моря, неслись звуки музыки, слышался мужской смех и пьяные голоса.

От корабля отвалили два быстроходных катера.

«Кошки»⁶ одновременно, с двух сторон, зацепились за леера, и штурмовики, словно тени, бесшумно взобрались на борт.

Несколько фигур скользнули к мостику. Навстречу им, тяжело ступая, с горой грязной посуды, шёл филиппинец. Поглощённый своей ношей, он не заметил приближающейся угрозы. Внезапно один из матросов возник за его спиной и, зажав рот, приставил к горлу нож. Второй, с молниеносной реакцией, подхватил падающий поднос и аккуратно поставил его на палубу. Боцман взглянул в лицо испуганного официанта и тихо произнёс:

— Заткнись! Жить хочешь? Сколько человек на борту? Где?

Стюард застыл, его лицо приобрело пепельный оттенок. Он едва заметно кивнул и что-то невнятно забормотал. Боцман, весь обратившись в слух, подался вперёд. Выпрямившись, он посмотрел на матроса. Резкое движение рукой, влажный хруст, и на белую форму филиппинца хлынул алый фонтан. Перевалив тело за борт, малайцы устремились в сторону кают для персонала. Им удалось обезвредить и заблокировать ещё нескольких человек, застигнутых врасплох.

Смертельная схватка вспыхнула в тесном камбузе. Кок, сжимая огромный тесак, с дикой, отчаянной решимостью бросился на вошедшего малайца. Внезапный выстрел боцмана, проскользнувшего следом, спас ситуацию. Кок рухнул на белоснежный пол камбуза, мгновенно затихнув.

Капитан яхты, потягивая ром, расслабленно отдыхал в своей каюте, когда до его слуха донёсся странный, неестественный звук из тамбура. Он отставил стакан и настороженно выглянул за дверь. В коридоре стояли чужие люди. Раздался глухой хлопок. Второй. Третий. Капитана подбросило, и он упал. Перескочив через хрипящее тело, группа влетела в ходовую рубку. Штурман, совершенно не ожидавший вторжения, даже не успел поднять голову. Два быстрых выстрела – и его тело безжизненно осело в кресле. Установив связь с группой, захватившей машинное отделение, Энсин остановил яхту.

Азарт рулетки захватил игровой салон. Пятеро англичан, среди них и владелец роскошной яхты, с головой ушли в игру. Громкая музыка, смех и звон бокалов лишь подстёгивали их возбуждение. Когда в салон ворвались вооружённые люди, англичане в ужасе сбились в кучу.

⁶ Кошка – приспособление, применяемое на флоте для abordажного боя – штурмовой металлический якорь, имеющий 2-5 заострённых рогов (лап). Чтобы противник не мог освободиться от закинутых abordажных кошек, крючья затачиваются по типу гарпуна. Это позволяет вначале сблизить, а затем и сцепить при атаке борта кораблей.

Прижавшись друг к другу, словно в поисках защиты, они покорно протянули руки, позволив себя связать. Им заткнули рты кляпами и заперли в каюте.

Через несколько минут «Глория», сбросив кранцы⁷, притянула к себе яхту. Наладили трапы, завели грузовую стрелу, и работа закипела. Олаф запустил насосы, и большие встроенные танки «Глории» стали наполняться топливом. Одни матросы под присмотром индусов вскрывали сейфы, набитые драгоценностями и деньгами. Другие выдирали медь и бронзу. Позолоченную посуду, столовое серебро, бильярдные шары из слоновой кости, антиквариат и картины упаковывали и перетаскивали на свой корабль вместе с запасами продуктов и алкоголя. Действовали согласованно и быстро.

Капитан МакМорроу стоял на мостике и наблюдал. Внезапно в привычном шуме отлаженного процесса перегрузки он услышал посторонний звук, а через секунду раздался женский визг. На корме Энсин пытался скрутить отчаянно сопротивлявшуюся женщину.

Сайрус резко обернулся: «What the fuck?»

Наконец, запыхавшийся индус втащил на мостик худую, полуобнажённую девушку и бросил перед капитаном. На голове у неё был мешок. Связанная, она испуганно всхлипывала, прикрывая голову руками.

«Какого чёрта! Зачем он её так изуродовал?..» — Сайрус, заметив багровые синяки на теле пленницы, в недоумении уставился на своего помощника.

— Массаж⁸, я не бил, — сказал тот, поднимая ладони вверх, — я её уже такую нашёл, всю в крови...

Девушка почувствовала: перед ней – её спасение. Сердце зашлось, отдавая тупой болью, руки тряслись, но, преодолев себя, она тихо заговорила по-английски:

— Спасите нас, сэр, умоляю! Меня зовут Оля... Я артистка цирка, — выдохнула она, замирая.

Помедлила, поняла, что бить не будут и, осмелев, продолжила:

— Нас трое. Мы из Белоруссии. Это наши первые гастроли в Сингапуре.

Днём после репетиции мы зашли в бар. Там познакомились с парнями. Они предложили нам прокатиться на яхте, и мы, наивные, согласились. Если бы мы только знали, чем это обернётся... Яхта ушла в море. Мы умоляли высадить нас на берег, плакали, но они не слушали. Пьяные, они стали приставать. Мы сопротивлялись, дрались с ними... Нас избили и заперли в трюме. Без еды и воды... Я потеряла счёт дням... — Её голос сорвался, и она разрыдалась.

Сайрус слушал, не перебивая. Его взгляд стал жёстким. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Разум, привыкший к чётким правилам, изо всех сил протестовал: «Это нарушение инструкций! Если что-то пойдёт не так, подставляю всех... Это опасно! Fuck... Что делать?!»

Где-то глубоко внутри, под слоем логики и предписаний, у него уже зародилось решение. Он знал, что вопреки здравому смыслу поможет этим глупым девочкам остаться живыми. Он поймал взгляд Энсина и коротко, но твёрдо приказал:

— Скажи Ляо: пусть заберёт их всех. Найдёт место, накормит и окажет помощь.

Энсин кивнул, не задавая вопросов. Сайрус посмотрел на всё ещё плачущую Олю, и понял, что поступил правильно.

Работа команды близилась к завершению. Последние матросы перепрыгивали на корабль.

Сайрус видел, как на «Глорию» подняли ещё двух девушек с завязанными глазами. Избитые, измождённые, они едва стояли на ногах, осторожно ступая босыми ступнями по палубе. Они молча скрылись в каюте, которую им уступил Энсин.

⁷ Кранцы – приспособления, которые смягчают удары и предохраняют борта судна от повреждений при подходе к причалу, борту другого корабля или стоянке у них.

⁸ Массаж – сленговая форма, которая возникла вследствие искажения слова "master" в значении хозяин, старший, опытный и т.п. Это изменение языка для более быстрой и простой коммуникации.

Чиф поднялся на мостик:

— Что с англичанами? — напомнил про запертых пассажиров яхты.

Сайрус сделал вид, что не услышал вопроса:

— Открыть кингстоны.

Дрейфовали в отдалении. Капитан задумчиво смотрел, как весело, со свистящим хохотом, воздух покидает яхту, как, подмигивая чёрными провалами открытых иллюминаторов, она опускается на глубину.

Успокоив девушек, кок напоил их и обработал раны. Затем он сварил лёгкий рисовый кисель – единственную пищу, которую их ослабленные желудки могли осилить. Когда он протянул им кусочек французского мыла, показал, как работает душ и выдал спортивные костюмы, девушки наконец поверили, что спасены. Сутки напролёт они ели и спали, восстанавливая силы. Под покровом глубокой южной ночи он выводил их на шлюпочную палубу, чтобы они могли подышать свежим воздухом.

Чуть позже разговор кока с Сайрусом поставил точку в этой истории.

— Масса, что будем делать с женщинами? Подкормим, подлечим и продадим султану Брунея?

— Нет. Отдадим топливо, меняем курс в сторону Сингапура. Там высадим. Понял? Соблюдай осторожность, — твёрдо сказал капитан.

Озадаченный китаец неуверенно кивнул в ответ.

Спустя неделю «Глория» встала на рейде напротив Сентозы.

Под покровом тропической ночи Ляо, завязав девушкам глаза, по одной вывел их из каюты и помог перебраться на лодку.

Последней шла Оля. Он сунул ей небольшой свёрток.

— Что это?

— Телефонная карта, серебряные монеты. Ола, вы всё поняли, что говорить?

— Да, — твёрдо ответила Оля и слегка пожала китайцу руку, — спасибо.

«Зодиак»⁹ спустили на воду, и он умчался в сторону берега.

Скрестив руки, Сайрус с трудом сдерживал нарастающее раздражение. В голове роились навязчивые, тревожные мысли. «А что, если их уже поджидает полиция на берегу? Как они себя поведут? Что могут сказать лишнее?» Понимание всей безрассудности своего поступка давило на него неимоверной тяжестью. Это могло стоить им всем свободы, а то и жизни.

Час ожидания тянулся бесконечно. Сайрус, с каменным лицом, стоял на мостике, снова и снова протирая линзы бинокля и напряжённо прислушиваясь. И только когда боцман вернулся и подтвердил, что всё прошло гладко, он смог наконец расслабиться.

Позже, когда корабль погрузился в сонную тишину, Сайрус лежал в каюте и думал о девочках, представляя, как они вернутся домой. А потом, незаметно, его мысли перенеслись к Родине, и он почувствовал, как сильно по ней скучает.

⁹ Зодиак – (ZODIAC) надувная лодка, которая используется на экспедиционных судах для коротких морских экскурсий и высадки пассажиров на берег. Зодиак отличается низким центром тяжести, глубоким V-образным корпусом и дополнительной стабилизацией. Дизайн корпуса позволяет развивать хорошие скорости даже при высокой нагрузке.

2.

«Глория» скользила по изумрудным волнам Кораллового моря, держа курс к берегам Тасмании. В трюмах судна находилось несколько тонн минеральных удобрений.

Сайрус сел разбирать накопившиеся документы, до которых в суете погрузки и отплытия из Дили так и не дошли руки. Проверил коммерческие акты, накладные и только углубился в коносамент, как зазвонил телефон.

— Масса, вам нужно на это взглянуть, — с беспокойством сказал Чиф.

Капитан чертыхнулся и отложил бумаги. Старые деревянные ступеньки трапа негромко заскрипели под его лёгкими спортивными шагами. Ещё поднимаясь, он услышал низкий, бьющий по ушам рокот, который невозможно спутать ни с чем другим: звук гулко фыркающего и пускающего фонтаны скопления китов.

Выйдя на мостик, он увидел вдали, слева по курсу, стадо усатых горбачей, кормящихся на мелководье. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь утреннюю дымку, играли на их тёмных могучих спинах, превращая их в живые движущиеся острова.

Они и раньше неоднократно встречали на своём пути этих морских исполинов. Завидев «фонтаны», старались близко не подходить, шли параллельными курсами. Когда позволяло время, Сайрус с интересом наблюдал за их жизнью. Как киты, открыв пасть, врезались в косяки криля¹⁰. Вбирали в себя воду с рачками и, пропуская её через китовый ус, выталкивали обратно. Как, поднимаясь из глубины, очищали лёгкие, выбрасывая с шумом столб водяной пыли. Однажды ему даже удалось уловить их специфический «аромат»: от всплывшего вблизи судна животного ветер донёс тошнотворный запах тухлой рыбы.

Капитан оглядел палубу и с недоумением посмотрел на старпома:

— Так что случилось?

— Слева по борту маленький кит. Я сбавил ход, — ответил тот, не отрываясь от бинокля.

Уловив в его голосе нотки тревоги, Сайрус подошёл к иллюминатору и посмотрел вниз:

— Стоп, машина!

Около «Глории», неглубоко подныривая и выпуская россыпи серебристых пузырей, тихо пищал китёнок. Истощённый, маленький, не более пяти метров длиной, он то ли осиротел, то ли отбилсЯ от стада и, словно привязанный невидимой нитью, крутился рядом. Сайрус увидел в нём испуганного ребёнка, заблудившегося в большом, враждебном мире.

— Прямо по курсу киты, — старпом протянул капитану бинокль.

МакМорроу прильнул к окулярам. Два взрослых горбача, издавая призывные звуки и ловко лавируя между подводными хребтами, быстро плыли к малышу.

— А там косатки, сэр, — сообщил Чиф, указывая вправо.

Капитан перевёл взгляд. Около двадцати опасных хищников, закладывая вираж, стремительно неслись прямо на «Глорию». Их мощные, чёрные тела с белыми отметинами на боках скользили по поверхности воды с завораживающей синхронностью и грацией.

Внезапно ещё несколько китов отделились от мирно дрейфующего стада и с рёвом устремились врагам наперерез.

— Вот это да... — капитан опустил бинокль, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Ему было одновременно и интересно, и страшно. Всё указывало на то, что «Глория» оказалась в центре набирающей обороты схватки между морскими исполинами.

Корабль, наконец, остановился, покачиваясь на волнах. Спешно натягивая спасательные жилеты, команда высыпала на палубу, наблюдая за развернувшейся перед ними картиной. На

¹⁰ Криль — (от нидерл. kriel — «мелочь») — собирательное название мелких морских планктонных ракообразных (рачков) промысловых размеров (10—65 мм)

баке закипели страсти. Матросы, держась за леера, возбуждённо кричали, указывая на приближающихся косаток, судовой плотник горячо спорил с боцманом.

Капитана удивило, что обычно невозмутимые малайцы явно переживали за китёнка.

— А что тут особенного? — сказал Чиф. — Кит для них – тотемное животное.

В проёме ходового мостика показалась голова плотника. Хриплым от волнения голосом он обратился к старпому:

— Разрешите достать пулемёт?

Чиф посмотрел на капитана.

Тот отмахнулся:

— Не говорите глупостей...

Сжимая бинокль побелевшими от напряжения пальцами, Сайрус пристально следил за обстановкой. Он не чувствовал ни пота, стекающего по лицу, ни бешеного стука сердца. Внутри него кипела злость на то, что лишённую движения «Глорию» всё сильнее бросало на волнах. Если тяжёлый, сыпучий груз в трюмах сместится, то судно, утратив остойчивость, может перевернуться. Но в первую очередь он злился на себя. Он понимал всю опасность, но не мог переступить через свою жалость и запустить двигатель, боясь навредить малышу.

Услышав, наконец, зов сородичей, китёнок неуклюже оттолкнулся от судна и поплыл им навстречу.

С облегчением выдохнув, капитан приказал:

— Команде в укрытие! Малый вперёд.

Яростно вспенивая воду, заработали гребные винты. «Глория», вздрогнув всем корпусом, наползла на волну и тронулась, постепенно ускоряя ход. До начала схватки судно отошло на безопасное расстояние.

Одни киты, подхватив малыша, уводили его подальше от опасности. Другие, выстроившись в живую стену, на полной скорости бросились на косаток.

Повернув к противнику свои могучие, испещрённые старыми шрамами хвосты, они обрушились на поверхность моря шквалом ударов. В одно мгновение вода превратилась в бурлящий котёл. В клубах пены хаотично мелькали чёрные спины хищников. Они кружили, яростно атакуя, пытаясь прорвать оборону. Киты, не страшась их острых зубов, ринулись «в рукопашную», орудуя своими длинными грудными плавниками. Десятки тонн живого веса взмыли в воздух и с оглушительным всплеском обрушились вниз, на врага.

Сайрус, замороженный, следил за диким, необузданным поединком. Он видел, как косатки уворачивались от смертоносных ударов, как некоторые из них, раненные, отступали. Затем, словно по команде, они повернули и начали удаляться на глубину.

Ноги подкашивались, когда он спускался в каюту. Налил виски, выпил залпом. Долго не мог успокоиться. Стоило закрыть глаза, и снова перед ним вставала картина борьбы за жизнь маленького кита.

«Поразительно, — пронеслось в его голове. — Вот тебе и дикая природа. Поведение, словно у людей. Целое стадо бросилось на помощь малышу».

Сегодня он по-другому посмотрел на животных. Перед ним открылась их способность к самопожертвованию и проявление заботы и любви.

Прозвучал звонок. Ребятя горластым ураганом пронеслась по коридорам, оставив за собой шлейф смеха, криков и топота. Через несколько минут школа опустела. Завуч Ольга Петровна, высокая, стройная, с аккуратно уложенными светлыми волосами, привычно обходила опустевшие классы. Её взгляд скользил по чернильным пятнам на партах, по тетрадям, оставленным в спешке, меловым следам на досках. Мысленно она уже была далеко от работы, предвкушая тихий вечер дома, вкусный ужин и хорошую книгу.

Неожиданно в конце длинного пустого коридора она увидела маленькую фигурку, застывшую на подоконнике. «Кто это домой не торопится?» Подойдя ближе, она узнала Костю Щербинина, третьеклассника. Обычно он был одним из первых, кто выбегал из класса, но сегодня...

Ребёнок сидел, сутулясь, и из его больших серых глаз, обрамлённых густыми ресницами, катились крупные прозрачные слёзы. Они оставляли мокрые дорожки на его бледных щеках.

— Тише-тише, — ласково прошептала Ольга Петровна и осторожно провела рукой по его белобрысым вихрам. Затем осторожно обняла его. Костя вздрогнул и прижался к её тёплому плечу. Ольга Петровна подождала, пока его дрожь утихнет, пока дыхание станет ровнее.

— Что случилось? Почему ты плачешь? — мягко, с неподдельным участием, спросила она.

Костя почувствовал исходящую от учительницы искренность и доброту. Он поднял мокрые глаза и, с трудом сдерживая всхлипы, стыдливо прошептал:

— Я боюсь. Домой. Меня сдадут в детдом...

Застигнутая врасплох таким признанием, Ольга Петровна ахнула. В детдом? Этого тихого, прилежного мальчика? Но быстро овладела собой, понимая, что сейчас главное — не напугать его ещё больше.

— Пошли со мной. Я тебе сейчас налью чая. Ты любишь сладкий чай?

Ольга Петровна взяла его за руку, и они направились в учительскую. Там она налила в свою любимую чашку с цветочками крепкий сладкий чай. Пока Костя, прихлёбывая, пил, она терпеливо вытягивала из него подробности этой ужасной и, с её точки зрения, совершенно нереальной истории.

В тот вечер зарёванная Вера рано уложила сына спать. Сама же, быстро накрыв стол, достала бутылку разведённого спирта и позвала мужа помянуть маму. Из кухни сквозь тонкую стенку до него доносился их приглушённый разговор.

Костя не мог уснуть. Он долго ворочался в постели, пытаясь успокоиться. Мягкое одеяло казалось колючим, подушка — твёрдой как камень.

Как такое могло случиться? Бабушка Аля умерла. Мальчик повернул голову к комоду. Он знал, что там стоит её фотография, перевязанная чёрной ленточкой. Он видел её днём, когда мама, прижимаясь к ней, горько плакала. Но сейчас портрет растворился в густой непроглядной темноте комнаты. Костя изо всех сил напрягал зрение, пытаясь различить хотя бы очертания знакомого лица, ту самую тёплую улыбку, что встречала его у порога дома. Его детский ум ещё не мог постичь всей тяжести обрушившегося на него горя. Он не знал, что такое «навсегда». Для него «навсегда» было чем-то вроде «очень-очень долго», но всё равно когда-нибудь закончится. А бабушка Аля... Она не могла закончиться. Она была частью его мира, такой же, как и он сам.

Голоса на кухне становились всё громче, и он, сам того не желая, начал вслушиваться:

— Пропала наша трёшка, — злилась мать.

— Ну что теперь сделаешь? — отвечал пьяным голосом отец.

— Ну вот как так? Весной распределение квартир... Столько ждали... Столько сил зря потрачено...

— Говорил тебе, что это глупая затея с усыновлением чужого ребёнка...

Что за «чужой ребёнок»? Сначала Костя никак не мог понять. Ну, чужой и чужой, что такого? Но когда до него дошло, что это значит, ему стало по-настоящему страшно. Затаив дыхание, он ловил каждое слово родителей, которые обсуждали его будущее:

— А с этим-то что делать будем? Кто за ним ухаживать будет? Эх, мама-мама...

— Что? Давай в детский дом обратно.

— Ты как считаешь, это реально повернуть?

— Вот и узнай.

Наконец мать загремела посудой, наводя порядок на кухне. Отец, зевая, пошёл в комнату отдыхать.

Костя завернулся с головой в одеяло и закрыл лицо руками, чтобы не было слышно его рыданий. Долго плакал, пока не забылся беспокойным сном.

Утро принесло не облегчение, а лишь новую волну липкого страха. Костя осторожно выглянул из-под одеяла. Солнечный луч пробивался сквозь щель в шторах, освещая танцующие в воздухе пылинки. Всё выглядело как обычно, но Костя уже понял, что так, как раньше, больше не будет.

Он бесшумно выбрался из кровати и подошёл к двери, ведущей на кухню. Там, за столом, сидели его родители. Мать, опухшая от слёз, медленно пила чай, её пальцы нервно теребили край чашки. Отец с усталым, выцветшим лицом смотрел в окно. Они не заметили его. Мальчик замер в дверном проёме.

— Доброе утро, — прошептал он.

Мать вздрогнула и обернулась. На её лице мелькнуло что-то похожее на раздражение, но оно быстро сменилось привычной, немного натянутой улыбкой.

— Доброе, Костенька. Ты чего так рано?

— Я... я хотел... — начал он, но замялся. Слова не шли, словно какая-то сила удерживала их. Он не знал, как спросить о том, что не давало ему покоя с самого вечера.

Отец повернулся, и его тяжёлый взгляд остановился на Косте:

— Что хотел? Говори. Не мямли...

Костя так и не решился спросить. Он молчал, глядя на старый, истёртый оргалит под ногами, терзаемый чувством вины за своё существование, за то, что отнимает время и требует внимания.

— Мать договорилась с Вагнерами, — отец встал и достал из холодильника недопитый вчера спирт. Дно бутылки глухо стукнуло о стол. — Ты, пока не похороним бабушку, поживёшь у них. Возьми с собой что-нибудь переодеться. И портфель не забудь.

Вагнеры. Костя их знал. Они жили недалеко, на Луговой, в старом доме, у них постоянно лаяла собака. Он не любил их.

Ребёнку снова стало страшно, но он быстро смахнул слёзы рукавом рубашки, не желая, чтобы отец заметил его смятение. Молча кивнув, мальчик отправился в свою комнату собирать учебники и тетради. В тот момент он был убеждён, что больше домой его не вернут.

Два дня, проведённых у приятелей матери, показались Косте бесконечными. Он не плакал, не устраивал истерик, не просил объяснений. Молча и безучастно сидел и смотрел в окно, наблюдая за проплывающими облаками, за спешащими по своим делам людьми. Тётя Сима ему не докучала, не развлекала, не заставляла есть через силу, не отправляла в школу. Она искренне его жалела, считая, что состояние мальчика вызвано потерей родного человека.

Когда-то Вера поделилась с ней своей историей. Они с Николаем, задыхаясь в своей двухкомнатной квартире, мечтали о «трёшке», где можно было «пожить, как люди». Тогда им пришла прагматичная мысль – усыновить ребёнка. Они надеялись, что это поможет им получить долгожданную жилплощадь¹¹. Так в их жизни появился Костик, трёхлетний малыш из иркутского детдома. Вместе с ним в квартире прописали и маму Веры, Александру Ивановну.

Серафима знала, что ни Вера, ни Николай так и не полюбили сына. Они видели в нём лишь средство достижения цели. Только Александра Ивановна прикипела к мальчику душой. Заботилась, занималась, учила нехитрым премудростям, баловала, наконец. Благодаря её усилиям он в пять лет уже читал, писал и научился самостоятельно ухаживать за собой.

¹¹ Получить долгожданную жилплощадь – Жилищные нормы в СССР позволяли встать в очередь на квартиру в том случае, если на каждого члена семьи приходилось меньше шести квадратных метров жилой площади.

А потом Александра Ивановна заболела. И вот теперь, когда её не стало...

Серафима чувствовала, как внутри неё закипает ярость:

— Верка, безжалостная дрянь, даже не позволила внуку попрощаться с бабушкой, — рассказывала она кому-то по телефону.

В тот день, когда за Костиком приехал отец, в душе мальчика затеплилась надежда. Он даже улыбнулся, увидев его. Но дома ничего не поменялось. Родители по-прежнему говорили о нём в третьем лице, как о чужом. Слова «детский дом» и «сорвалась квартира» уже открыто звучали в их разговорах. Тогда Костя окончательно понял, что остался совсем один. Бабушки больше нет, а родители никогда его не любили.

На следующий день его впервые не провожали в школу. В квартире стояла тишина. Вера и Николай ещё спали. Костя быстро умылся, собрал портфель, оделся и вышел.

На уроках он немного отвлекся от переживаний, но звонок в конце занятий вернул его к действительности. Костя очень боялся идти домой и не знал, что делать. Куда ему идти? К кому обратиться? Он остался один в этом огромном, равнодушном мире.

Ольга Петровна слушала Костю, и сердце её наполнялось жалостью. Рассказ мальчика казался невероятным, почти бредовым. Щербинины казались вполне благополучной семьёй: высокая, статная Вера Григорьевна, военный врач, всегда приветливая и собранная, и Николай Антонович — голубоглазый красавец, начальник цеха на судоремонтном заводе, душа компании. Ну не могли такие люди быть моральными уродами.

Но искренний, неподдельный страх в глазах ребёнка и его дрожащие плечи заставили её поверить. К тому же педагогический опыт и интуиция подсказывали, что он не лжёт, не придумывает, а в его жизни действительно случилось нечто страшное.

«Отказаться от ребёнка, как от ненужной вещи... Да чем же я могу помочь ему?» — думала завуч, лихорадочно осматривая учительские столы в поисках чего-нибудь съестного. В животе у мальчика урчало, и это было единственное, что она могла сделать прямо сейчас. Выудив пачку печенья, пару конфет, разложила перед Костей и, велев никуда не уходить, побежала к директору школы.

— Полина Семёновна, — голос Ольги Петровны дрогнул, — у нас ЧП!

И она, торопясь, выложила обо всех бедах, обрушившихся на их ученика: смерть Александры Ивановны, Щербинины и тот кошмар, что творится у ребёнка дома.

Директор, нахмурившись, внимательно слушала. Её пальцы нервно постукивали по гладкой поверхности стола.

— Ах, как же жаль Александру Ивановну, — наконец выдохнула Полина Семёновна, и в её голосе прозвучала неприкрытая печаль, — хорошая была женщина... Помню, как-то после собрания мы с ней вместе вышли покурить, разговорились. И тогда я узнала, что вся забота о мальчике лежала только на ней: и занималась, и ухаживала, и воспитывала его сама. Летом она возила его в Иркутск, к сестре на дачу. Какая беда... Что же теперь с ребёнком будет?

Обе женщины замолчали, погружённые в тяжёлые мысли.

— Надо что-то делать, — наконец тихо сказала Ольга Петровна. — Нельзя так это оставлять. Мы не можем сделать вид, что ничего не происходит.

Полина Семёновна утвердительно кивнула. Она понимала всю сложность ситуации.

— Вы правы, Ольга Петровна, — ответила она, поднимаясь из-за стола. — Мы должны действовать. Я свяжусь с гороно, а вы тем временем найдите родителей ребёнка.

Ольга Петровна вызвала классного руководителя Кости и попросила присмотреть за ним. Затем нашла в личном деле рабочие телефоны Щербининых и пригласила их срочно в школу.

К школе, следом за инспектором отдела образования и родителями, подкатила чёрная «Волга» КГБ. Дежурный майор, который помог завучу выйти на госпиталь, где служила Вера Григорьевна, тоже проявил интерес к происходящему. Его появление одновременно усиливало напряжение и в то же время давало надежду на положительное разрешение ситуации.

Директор пригласила всех к себе в кабинет. Вера Григорьевна выглядела бледной и заметно нервничала, а выслушав обвинения, возмутилась:

— Да что вы такое говорите? Это ложь! Он всё это придумал! Фантазёр! Живёт в каком-то своём мире, — негодовала она, но быстро осеклась под пристальным взглядом майора.

Снизив тон, она принялась убеждать присутствующих, что подобные мысли им и в голову не приходили. Николай Антонович не произнёс ни слова, лишь грустно улыбаясь. Его пугало, что эта история может дойти до руководства завода. Он боялся последствий, которые могли бы отразиться на его карьере и репутации.

О последующем разговоре Щербинины предпочитали никогда не вспоминать. Педагоги безоговорочно встали на сторону Кости, не сомневаясь в правдивости его рассказа. Вера продолжала отрицать произошедшее, пока инспектор горono не потеряла терпение.

— Если вы не прекратите обвинять мальчика, я предам эту историю огласке, привлеку психолога и докажу вашу ложь, — заявила она, — и напишу заявление в партком. За вами будет установлено наблюдение.

Директор категорически потребовала от них обещаний, что мальчика больше никогда не будут обижать или унижать.

Майор спокойным, но решительным тоном поставил точку в этом трудном разговоре.

— Ситуация с Костей будет на контроле, — подтвердил он.

Учителя почувствовали несказанное облегчение.

Спустя час, уставшая, но довольная Ольга Петровна вернулась в учительскую:

— Беги вниз! Там тебя ждут мама с папой.

Костя поверил ей сразу, но почему-то не смог сдержать слёз.

— Не бойся, милый, всё у тебя будет хорошо, вот увидишь, — ласково сказала завуч, помогая ему одеться.

Его улыбка, проступившая сквозь слёзы, излучала наивную детскую веру, что невзгоды остались позади. С этим трепетным чувством он бросился к выходу, где, как ему тогда казалось, его ждали любящие родители.

Пугающие Костю разговоры о детском доме прекратились. Однако спустя два года «родители» предприняли новую попытку избавиться от него. На этот раз им казалось, что они нашли идеальное решение: Косте объявили, что он станет офицером и отправится в Суворовское училище. Предложение обещало новую жизнь, однако за ним стояла та же холодная расчётливость. Тем не менее судьба внесла свои коррективы. В тот год министр обороны поднял возраст приёма в подобные заведения с двенадцати до четырнадцати лет. Костя, ещё не достигший четырнадцати, остался жить с людьми, которые так никогда и не стали для него родными.

3.

Миллионы огней мерцали в тёмных водах Сингапурского пролива. Сверкающий мегаполис радушно встретил «Глорию», обещая долгожданный покой после утомительного перехода. Судно мягко коснулось одного из причалов в районе Туáса. Не снимая мокрой рубашки, Сайрус рухнул на койку и тут же провалился в глубокий, беспокойный сон.

Его разбудил яркий утренний свет, проникающий сквозь неплотно закрытые жалюзи. Он лежал, наблюдая, как солнечный луч скользит по бамбуковой занавеске, и вдруг почувствовал тонкий, но настойчивый аромат кофе.

— Чёрт! — он так крепко спал, что даже не слышал, как Ляо принёс завтрак.

Он торопливо проглотил ещё горячий напиток с парой сухих бисквитов, заботливо оставленных коком. На что-то более существенное времени уже не оставалось. Освежившись в душе, переоделся и спрятал под бейсболку влажные, растрёпанные волосы. Достал из сейфа кожаные кисты и, ощутив их приятную тяжесть, быстро спрятал во внутренние карманы куртки.

Сайрус испытывал особую привязанность к Сингапуру. Ему нравились модернистские небоскрёбы, облицованные стеклом и металлом, изящные храмы, утопающие в зелени экзотических садов, гигантские торговые центры, тенистые парки. Здесь он чувствовал полноту жизни, жадно впитывая мощную, быющую через край энергию города.

Выйдя на улицу, наполненную гулом машин, криками торговцев и обрывками чужих разговоров, Сайрус поднял руку и остановил такси.

— Чайна-таун¹². Центральный склад «Южно-Азиатской компании».

Он ехал на встречу со своим патроном, мистером Гринбóу, чьи интересы представлял в самых разных уголках Юго-Восточной Азии.

— Со стороны моря или парка, сэр? — уточнил таксист, включив счётчик.

— Парка.

Водитель кивнул, и машина плавно тронулась, унося капитана в торговый центр города.

Сайрус переступил порог огромного железобетонного ангара, и его тут же накрыла волна густого, почти осязаемого аромата специй. Острые запахи корицы, гвоздики, кардамона и чего-то ещё, более экзотического и терпкого, настолько пропитали всё вокруг, что казалось, скоро даже дерево ящиков можно будет продавать как приправу.

У входа его встретил Жак, личный телохранитель мистера Гринбоу: высокий, широкоплечий негр с грубым шрамом, пересекающим нос, и татуировкой на руке, которая безошибочно выдавала в нём ветерана морской пехоты.

Вежливый кивок, и его глаза – тёмные и цепкие – впились в лицо капитана.

Сайрус, давно привыкший к подобным проверкам, терпеливо ждал.

Наконец Жак, удовлетворённый увиденным, с лёгким техасским акцентом проговорил:

— Босс ждёт вас, сэр, — и махнул огромной рукой вглубь склада.

Поблагодарив, Сайрус двинулся в указанном направлении, пробираясь сквозь горы мешков, тюков и бесконечных ящиков, сложенных штабелями до самого потолка.

Он не раз бывал здесь раньше. Гринбоу не испытывал особой привязанности к своему роскошному кабинету, расположенному на верхнем этаже одного из небоскрёбов Чайна-тауна. Он предпочитал проводить деловые встречи в более неформальной обстановке.

Несколько лет назад, оставив позади безупречную карьеру в Военно-морских силах США, контр-адмирал Джон Гринбоу перебрался в Сингапур, чтобы начать новую жизнь. Он

¹² Чайна-Таун – (Chinatown или Нью Че Шуй) — это китайский этнический квартал, расположенный в сингапурском районе Аутрам, где исторически проживает китайское население страны.

приобрёл долю в крупной логистической компании, чьи складские комплексы раскинулись по всей Азии, принося миллионные прибыли. Солёный ветер и рёв авианосцев уступили место пряным запахам Чайна-тауна и многоголосому шуму мегаполиса.

В стенах «Южно-Азиатской компании» кипела обыденная жизнь: звонили телефоны, оформлялись заявки и страховки, бесконечные совещания сменялись командировками. Никто из рядовых сотрудников и представить не мог, что за фасадом будничной суеты скрывалась совершенно иная реальность, тщательно оберегаемая от посторонних взглядов.

Центральный офис логистической империи служил штаб-квартирой для разветвлённой агентурной сети, чьи нити протянулись по всей Юго-Восточной Азии, охватывая самые удалённые уголки региона. Во главе этой сложной системы стоял адмирал.

Через его руки проходила вся информация, от момента её поступления до финальной проверки и анализа. Он находил нужных людей, искусно расставляя их на ключевые позиции, словно опытный шахматист. Формировал команды, где каждый член был на своём месте, а их характеры гармонично дополняли друг друга. Разрабатывал операции, сопряжённые с колоссальным риском, где малейшая ошибка могла обернуться настоящей катастрофой.

Гринбоу обладал неограниченными полномочиями и нёс бремя гигантской ответственности. Долгий, порой печальный опыт оставил на нём заметный отпечаток. Ему едва исполнилось сорок семь, но молодым, дерзким разведчикам, полным неуёмной жажды приключений, он казался старым, мудрым патриархом.

В своём идеально скроенном тёмно-сером костюме он ждал капитана, удобно устроившись на мешке кофе. Его седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, а глаза за стёклами очков внимательно изучали документы. На столике перед ним дымилась чашка со свежеприготовленным напитком. Аромат дорогого коньяка перебивал даже запахи специй, и, судя по его силе, в чашке был не кофе, приправленный коньяком, а скорее коньяк, приправленный несколькими каплями концентрированной, качественно обжаренной и правильно сваренной арабики. Сайрус мысленно улыбнулся: «Верен себе».

— Ну, наконец-то. Я уже думал, ты заблудился в наших лабиринтах, — Гринбоу отложил бумаги.

— Добрый день.

— Кофе не предлагаю? — спросил адмирал, приглашая жестом присесть рядом.

Сайрус осторожно опустил на тюк с шерстью.

— Я с утра не пью, сэр.

Он вытащил из карманов два старинных, потёртых кисета с выцветшими шнурками и положил их перед адмиралом.

Тот развязал один и высыпал на ладонь несколько необработанных алмазов.

— Как всё прошло?

— В пределах нормы, сэр.

— Молодцы, — Гринбоу задумчиво отхлебнул из чашки. — А в пределах нормы?

— Сломалась грузовая стрела и лебёдка.

Неделю назад, в районе Западного Тимора, к «Глории» притёрся старый невзрачный сухогруз. Ржавые пятна почти полностью скрыли его имя – «Магуро». Море, обычно спокойное в это время года, внезапно проявило свой необузданный характер. С наступлением темноты моросящий дождь перерос в яростный ливень, а порывы ветра превратили перегрузку патронов в настоящее испытание. Промокшие до нитки матросы, надрываясь, таскали скользкие, неподъёмные ящики. В суматохе они повредили такелаж¹³ «Глории», и несколько ящиков, едва не сорвавшись за борт, рухнули на палубу.

¹³ Такелаж на судне — обобщённое название всех снастей, которые служат для крепления. К такелажу относятся тросы,

Капитан Квон, низкорослый, провонявший рыбой вьетнамец, расплатился с Сайрусом увесистыми мешочками с драгоценными камнями. Криво улыбнувшись чёрными прокуренными зубами, он, не обращая внимания на сильную качку, ловко перепрыгнул на свой корабль.

Дождь лил сплошной стеной, но Сайрус оставался на палубе, провожая взглядом сухогруз. На его обшарпанной, выбеленной солью рубке выделялся ультрасовременный японский локатор, создавая поразительный контраст. Из недр «Магуро» вырвался резкий свист турбин мощного двигателя, и он почти мгновенно растворился в дождевом мареве, будто его и не было. «Квон, похоже, ни в чём себе не отказывает!» — подумал Сайрус, испытывая смесь восхищения и лёгкой зависти.

Гринбоу ненадолго задумался. Разглядывая большой, размером с лесной орех, прозрачный алмаз, сказал:

— Идите в устье Кампар. Заодно и водой там забункеруетесь. Нынче цена на воду в Сингапуре опять взлетела. Там на порядок дешевле будет.

Капитан поднялся.

— Что потом?

— Иди ремонтируйся. Будешь нужен, получишь радио с указаниями.

Когда Сайрус вернулся на судно, выгрузка уже подошла к концу. На причале ровными штабелями высились пакетированные пиломатериалы красного дерева, доставленные с Понтиака. Матросы под бдительным присмотром грузового помощника драили трюмы, избавляясь от остатков груза и пыли. Шон, уединившись в радиорубке, ностальгировал, заглушая корабельную рутину звуками боевой ирландской волынки. А с камбуза уже разносился дразнящий запах жареного мяса: кок успел закупиться в соседних продуктовых лавках.

Желудок Сайруса напомнил о себе настойчивым урчанием.

— Ляо, я голоден! У тебя пятнадцать минут, — бросил он на ходу, направляясь на мостик.

Наскоро проведя совещание, отдал распоряжения:

— Чиф, до шести вечера закрыть здесь все вопросы. Снимаемся, как только будем готовы.

— Есть, сэр!

— Энсин, свяжись с агентом, пусть организует нам заправку воды и ремонт такелажа.

— Есть, подать заявку, сэр.

После того как от ремонтного дока пришло подтверждение о постановке «Глории» в очередь на необходимые работы, они вышли в море.

Малаккский пролив встретил их привычной суетой. Ключевой морской путь, связывающий Индийский и Тихий океаны, жил своей обычной жизнью. Впереди, позади, слева, справа мелькали десятки судов. Встречные и попутные, гигантские контейнеровозы и юркие рыболовецкие сейнеры, танкеры и скромные сухогрузы двигались в своём, отлаженном ритме.

«Глория» шла с предельной осторожностью. Не выпуская бинокль из рук, капитан внимательно следил за окружающей обстановкой, стоя на мостике рядом с вахтенным. Он знал о нередких столкновениях судов в этих водах и понимал, что лишняя пара глаз никогда не будет лишней.

Уже в полной темноте достигли устья мутной, полноводной реки. Плыли вверх по течению, пока на левом берегу не замерцали редкие, неяркие огни. Встали на рейде напротив небольшого поселения, расположенного у ремонтного причала. Двигатель тихонько работал, удерживая судно на месте.

Шон позвонил уже далеко за полночь.

— Передали, что буксир вышел, сэр, — сообщил он, — скоро будут.

Маленький, пыхтящий катерок на паровом ходу ловко подцепил «Глорию» за ноздрю и медленно, но уверенно потащил к берегу.

Тишина, нарушаемая лишь мерным гулом моторов и плеском волн о борт, давила на уши. Сайрус отчаянно боролся со сном, веки слипались. Только боцман просигналил: «Концы закреплены», он тут же скомандовал:

— Всем, кроме вахты, отбой.

Едва голова коснулась прохладной подушки, он мгновенно уснул. Но покой был недолгим. Пронзительный звон корабельной тревоги ударил по ушам, выдернув его из сна. Сайрус вскочил и, не теряя ни секунды, помчался к шлюпочной палубе. Матросы уже теснились у борта, напряжённо вглядываясь в берег, пытаясь понять откуда исходит опасность.

— Что, чёрт возьми, происходит? — прохрипел он, чувствуя, как кровь стучит в висках.

— Не знаю, сэр. Слышна стрельба. Похоже, нападение, — донёсся с мостика голос Чифа.

— Включить прожектор!

Мощный луч света, рассекая мрак, заскользил по ржавым бочкам, грудам старых ящиков, пришвартованным судам. Матросы, затаив дыхание, ловили каждый шорох, малейшее движение. Но вокруг уже наступило относительное затишье, нарушаемое лишь ленивым плеском реки о сваи причала. Где-то в глубине джунглей тревожно кричали обезьяны, да на другом конце посёлка лаяли собаки.

Утренний туман ещё не рассеялся, когда Чиф понёс в контору дока заявки на воду и сварные работы. Там же узнал о событиях минувшей ночи.

— Кто-то совершил налёт на береговые склады. Унесли много дорогих лекарств. Представители страховой компании уже здесь и предлагают нам присоединиться к поискам грабителей. Территорию разбили на сектора, каждой поисковой группе выделяют свой участок леса, который нужно прочесать. Обещают хорошо заплатить, — доложил он, вернувшись.

Посоветовавшись немного, решили идти, а заодно и подзаработать, если повезёт.

Старпом кликнул добровольцев из команды:

— Есть желающие размять ноги?

По палубе прокатился одобрителный гул. Поиски — это всегда азарт, а перспектива дополнительного заработка делала их вдвойне заманчивыми.

— Боцман, отбери дюжину и собери снаряжение.

Чифа оставили на судне за главного, а сами стали быстро собираться.

Готовясь к вылазке, рассчитывали вернуться до темноты, поэтому взяли с собой лишь самое необходимое: воду, сухие пайки, паранги¹⁴ и оружие. Облачившись в прочную, но лёгкую одежду, обмотали платками шеи и натянули шляпы с москитными сетками. Как только солнце взойшло над горизонтом, цепочка из двенадцати человек потянулась в джунгли по своему участку поисков.

Поначалу шли легко. Резные папоротники и цветущие орхидеи обрамляли тропу, по которой отряд бодро продвигался, ловко обходя цепкие плющи и спутанные лианы. Но уже через полсотни метров тропинка исчезла, словно её и не было, уступив место сумрачному царству гниения. Пышное буйство тропической зелени сменилось разлагающимися стволами, покрытыми бархатистым налётом бело-жёлтой плесени и причудливыми грибами. Высоко над ними ветви деревьев переплелись в плотный зелёный шатёр. Солнце, даже в зените, с трудом пробивалось сквозь него, оставляя землю в густом, давящем полумраке.

Всего полчаса в пути, а Сайрус уже весь промок. Стопроцентная влажность превращала одежду в мокрую тряпку. Липкий пот стекал по лицу ручьями, но попытки вытереть его лишь ухудшали ситуацию. Стоило приподнять защитную сетку, как тучи разного гнуса, почувствовав добычу, атаковали, забиваясь в рот, нос и глаза, вызывая нестерпимый зуд и раздражение.

¹⁴ Паранг — малайское мачете.

Почва под ногами хлюпала, испускала удушливый смрад прелой листвы и гниющей древесины, смешанный с едким зловонием. Вскоре Сайрус обнаружил его источник: огромные, поразительно красивые, но хищные цветы разливали в воздухе тяжёлый запах тухлого мяса.

Чем дальше они заходили в чащу, тем сильнее лес наполнялся дикими, непонятными звуками. Непрекращающиеся уханье, кваканье, хрюканье и стрекот сливались в оглушительную какофонию. Но особенно в этом оркестре джунглей выделялись вопли обезьян-ревунов. Их свирепые, первобытные крики вызывали оторопь, заставляя людей нервно озираться.

Впереди раздался громкий треск, потом плеск и крик. Энсин, сокращая путь, решил перепрыгнуть с одной полузатопленной коряги на другую. Наступил на треснувшую под ним ветку и, пытаясь сохранить равновесие, шагнул прямо на едва прикрытую водой полуразложившуюся обезьяну. Натянув платки по самые глаза и, посмеиваясь над злобно ворчащим помощником, группа осторожно обошла зловонное место.

Время перевалило за полдень, и, как по расписанию, полил дождь. Крупные капли застучали по земле, превращая прелую листву в скользкое, вязкое месиво, которое предательски разъезжалось под ногами. Шагали молча, сосредоточенно, экономя силы.

Продрогший капитан мечтал о глотке виски. Вчера Гринбоу как раз преподнёс ему бутылку настоящего ирландского. «Вернусь, открою», — подумал он, предвкушая, как тепло янтарной жидкости снимет накопившуюся за последние дни усталость.

Бульк! Оступившись, он потерял опору и с тихим всплеском ушёл по колено в вязкую, пузырящуюся жижу. В нос ударил смрадный запах гнили, вызывая спазм в горле. Не успев осознать, что случилось, Сайрус бросился вперёд. Однако с каждым его отчаянным рывком холодная, тягучая субстанция всё плотнее охватывала ноги, лишая всякой возможности двигаться. Сердце забилося, пропуская удары. Он застыл, боясь даже дышать. Инстинктивно рука метнулась под платок, к свистку на шее, и отряд по его сигналу остановился.

Повисло неестественное затишье, обволакивающее со всех сторон. Единственным звуком был монотонный шум падающей с неба воды. Звуки леса — птичье пение, обезьяний гомон — остались далеко позади.

— Сэр?.. — Энсин обернулся и замер. Вмиг побледневший капитан, стоял по пояс в болоте.

Воздух наполнили испуганные, гортанные крики людей.

— Без паники! Держитесь друг за друга! — приказал помощник, взяв отряд под контроль.

Времени на раздумья не оставалось. Резким движением он отсёк толстую лиану с ближайшего дерева и, осторожно ступая по топкой, податливой почве, двинулся к командиру.

Пальцы Сайруса впились в ветку мёртвой хваткой. Энсин потянул, и тут же земля под ним провалилась, и холодная жижа сомкнулась вокруг лодыжек. Тяжесть капитана, усиленная сопротивлением болота, неумолимо затягивала их всё глубже. Энсин испугался — в одиночку не совладать! Однако страх тотчас отступил, когда он почувствовал рядом крепкую, уверенную хватку боцмана. С неимоверным усилием, без передышки, они, плечом к плечу, дюйм за дюйм вытаскивали капитана из трясины. Их вытянутые руки горели от чудовищной нагрузки, каждый мускул был на грани разрыва. Потоки пота, смешиваясь с холодными струями дождя, текли по их грязным, искажённым гримасами лицам.

— Держись, капитан! Ещё немного, — прорычал боцман. И с надрывным стоном, последним рывком, они выдернули его из западни.

Задыхаясь и кашляя, Сайрус выполз на твёрдую землю. Страх отступил, и капитан с благодарностью посмотрел на своих спасителей. Энсин и боцман, обессиленные, опустились рядом.

Изнуряющий дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Солнце снова палило в высоту, и влажный, удушливый воздух становился всё более густым и плотным.

Цепляясь за петли лиан, группа медленно шла вперёд. Каждый шаг давался с трудом, ноги вязли в болотном месиве. Сайрус видел, как вздувались мышцы, как дрожали руки, когда, опираясь друг на друга, они продирались сквозь топкие места. Но он также ощущал их молчаливое единение и готовность прийти на помощь.

Наконец они вышли на залитую солнцем поляну. Лучи пробивались сквозь густую зелень, рисуя на земле живые, танцующие узоры под стрёкот цикад.

Опираясь на шершавые, покрытые мхом стволы, матросы жадно пили из фляг, пытаясь отдышаться. Сквозь озноб, пробиравший до самых костей после пережитого страха, прорывались их приглушённые смешки. Мышцы болели, грязная одежда прилипала к телу, но главное – все были живы.

Передышка закончилась. Сайрус сверился с компасом и решительно прервал отдых.

— Вперёд, — коротко бросил он. — Время не ждёт, если мы хотим сегодня вернуться на «Глорию».

Вскоре отряд вышел на полузаросшую грунтовую дорогу. Перед ними, метрах в десяти, стоял старенький пикап с ярко-красным крестом на двери. Водитель-китаец, одетый в засаленный комбинезон, склонился над открытым двигателем. Рядом с ним, заливаясь смехом, что-то оживлённо рассказывал рыжебородый европеец лет тридцати.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.